
Е. М. ЮХИМЕНКО

Государственный исторический музей,
Москва, Россия

Рогожские старообрядцы в 1885—1887 гг.: в поисках справедливости

РЕЗЮМЕ

В статье впервые вводится в научный оборот новый источник по истории Рогожской старообрядческой общины — дневник попечителя Рогожского богаделенного дома (в 1885—1887 гг.) московского 1-й гильдии купца В. М. Михайлова. Помимо ценных сведений по внутренней истории самой общины, одной из крупнейших в России, дневниковые записи содержат подробности взаимоотношений рогожских старообрядцев с верховной властью и высшим чиновничеством. Поводом к многочисленным прошениям, которые старообрядцы подавали во все инстанции на протяжении полувека, послужило опечатание алтарей рогожских храмов 7 июля 1856 г. На время попечительства В. М. Михайлова и Ф. М. Мусорина пришелся пик этой активности, поскольку в ноябре 1885 г. власти распорядились убрать временные алтари, которые были официально установлены в храмах для принесения присяги императору Александру III 15 мая 1883 г. Мемуарный источник содержит достоверные подробности неравноправного положения старообрядцев в Российской империи, описывает их визиты к высшим должностным лицам и деятельное участие в делах Рогожского кладбища московских купцов-старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, Рогожское кладбище, распечатание алтарей, дневник В. М. Михайлова, К. Т. Солдатенков, Т. С. Морозов, высшее чиновничество.

Elena M. Yukhimenko (State Historical Museum, Moscow, Russia). Rogozhsky Old Believers in 1885—1887: In Search of Justice

ABSTRACT

The diary of Vasilii Mikhailovich Mikhailov, a Moscow merchant of the 1st Guild and the trustee of the Rogozhsky almshouse (1885—1887), is a new source on the history of the Rogozhsky Old Believer community, one of the largest in Russia. The article introduces this material to a scholarly audience for the first time. The diary contains valuable information on the internal history of the community and many details of the interrelationship of the Rogozhsky Old Believers and the supreme government and top officials. The altars of the Rogozhsky temples were sealed up on July 7, 1856. For this reason, Old Believers submitted numerous petitions to all authorities for half a century. During V. M. Mikhailov's and F. M. Musorin's guardianship, this activity peaked. In November 1885, the authorities ordered the removal of temporary altars, which were officially installed in churches to take the oath to Emperor Alexander III on May 15, 1883. The memoir source contains reliable details of the unequal position of the Old Believers in the Russian Empire, describes their visits to senior officials and the active participation of Moscow Old Believer merchants in the affairs of the Rogozhsky cemetery.

Keywords: Old Believers, Rogozhsky community, sealing up of altars, diary of V. M. Mikhailov, K. T. Soldatenkov, T. S. Morozov, high bureaucracy.

Глубоко осмысляя тот разлом русской культуры, который явился следствием раскола православной церкви в середине XVII в., Н. В. Поньрко отмечала, что противоположность менталитета, бытового и церковного уклада, системы ценностей сохранялась в двух практически параллельно существовавших частях общества вплоть до начала XX в. Развивая мысль В. П. Рябушинского, представителя известной старообрядческой династии, исследовательница писала о двух «народах»,¹ о культуре «барина» и «мужика».²

Безусловно, этот водораздел остро ощущался в социально-политической сфере, в которой старообрядцы, несмотря на все их заслуги в экономической, общественной и культурной областях, до 1905 г. оставались людьми, не имевшими равных прав с другими гражданами Российской империи. Эпиграфом к настоящей статье может служить исчерпывающе ясное сравнение, данное в работе В. П. Рябушинского «Старообрядчество и русское религиозное чувство» (1936): «Начитанный, богатый купец-старообрядец с бородой и в русском длинополом платье, талантливый промышленник, хозяин для сотен, иногда тысяч, человек рабочего люда, и в то же время знаток древнего русского искусства, археолог, собиратель икон, книг, рукописей, разбирающийся в исторических и экономических вопросах, любящий свое дело, но полный и духовных запросов, такой человек был „мужик“; а мелкий канцелярист, выбритый, в западном камзоле, схвативший кое-какие верхушки образования, в сущности малокультурный, часто взяточник, хотя и по нужде (...) — это уже „барин“».³

Яркими подробностями наполняет данную фразу новый, недавно выявленный источник — дневниковые записи московского купца В. М. Михайлова, в которых он зафиксировал свою деятельность в качестве попечителя Рогожского богаделенного дома в 1885—1887 гг.

Василий Михайлович Михайлов (1835 — после 1899) — московский 1-й гильдии купец (с 1886), торговал свечами.⁴ В купечестве состоял с 1870-х гг.: во вкладной книге Рогожского богаделенного дома под 7 июня 1876 г. записано пожертвование московского купца В. М. Михайлова — Владимирская икона Богородицы в жемчужной ризе и серебряном позолоченном окладе, за упокой Марии Родионовны Лавровой.⁵ Согласно «Реестру о прихожанах старообрядческого Рогожского кладбища, имеющих в Москве недвижимую собственность» 1878 г., имел собственный дом в Таганке, близ церкви Мартина Исповедника.⁶ Позже это домовладение по Большой Алексеевской улице № 556/529, напротив указанного храма, было переписано на супругу, Фелицату Карповну Михайлову.⁷ В семье родились сыновья Валентин (в 1867), Михаил

¹ Поньрко Н. В. Два «народа» на пути друг к другу // Старообрядчество: История и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28—30 октября 2008 г.). СПб., 2009. С. 21—25.

² Поньрко Н. В. Литература раннего старообрядчества как историческое свидетельство // БЛДР. СПб., 2013. Т. 17: XVII век. С. 5—12.

³ Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гринберга и В. В. Нехотина. М.; Иерусалим, 1994. С. 41.

⁴ Справочная книга о лицах, получивших на 1892 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М., 1892. С. 31.

⁵ Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2012. С. 209.

⁶ Там же. С. 201.

⁷ Адрес-календарь г. Москвы на 1886 г. М., 1886. С. 400. Домовладение на Большой Алексеевской ул. № 556/529 (уличный номер 18).

(в 1874) и Иван (в 1877). В 1890 г. В. М. Михайлову перешел от купца-старообрядца П. К. Мельникова⁸ мыльный, свечной и сальный завод, находившийся близ Донского монастыря.⁹ Торговая лавка располагалась в Старом Гостином дворе на Варварке.¹⁰ Продав дом в Таганке, В. М. Михайлов стал жить при своем заводе.¹¹

Деловые качества купца и его активное участие в приходской жизни обратили на себя внимание выборных Рогожского кладбища: на собрании 24 февраля 1885 г. он был избран попечителем Рогожского богаделенного дома, вместе с московским 1-й гильдии купцом Федором Михайловичем Мусориным.¹² Они трудились на этой должности до 10 февраля 1888 г., в том числе провели крупномасштабные реставрационные работы в теплом храме Рождества Христова (в 1887 г.), предприняли меры к сохранности библиотеки и пополнению ее новыми покупками.¹³ Портрет В. М. Михайлова был помещен в фотогалерею Московской старообрядческой общины Рогожского кладбища, организованную в помещении гостиницы в 1911—1912 гг.¹⁴

Василий Михайлович испытывал подлинную любовь к книге. Только она могла подвигнуть его собственноручно переписать полууставом в 1890—1892 гг. на престольное Евангелие с издания московского Печатного двора 1651 г.¹⁵ В книге две писцовые записи: одна, в самом конце текста, на л. 484 — «Благословение Божие съписовалъ Василий Михайловъ», другая, на шелковом листе, наклеенном на л. IV, — «Сие Евангелие писалъ Московской первой гильдии купецъ Василий Михайловичъ Михайловъ съ 1890. 1891. 1892 конч.». В силу своего умения В. М. Михайлов даже попытался скопировать все четыре гравюры с изображениями евангелистов, вязь и заставки старопечатного стиля. Фолиант был переплетен в доски, обтянутые золотой парчой, обрез блока позолочен и украшен тиснением. В 1899 г. этот уникальный книжный памятник, свидетельствующий о сохранении книгописных традиций в старообрядческой среде в конце XIX в., был дан вкладом на Рогожское кладбище:

⁸ Петр Кириллович Мельников (1826 — 4.03.1890) — московский 1-й гильдии купец, прихожанин храмов Рогожского кладбища, в 1872—1876 и 1882—1885 гг. попечитель Рогожского богаделенного дома.

⁹ ЦИАМ, ф. 16, оп. 124, д. 241. Дело было заведено в связи с тем, что московский купец Василий Михайлов подал прошение московскому генерал-губернатору «о разрешении ему содержать 5 ст(ана) Москов(ского) уезда перешедший к нему от купца Мельникова мыльный, стеариновый и свечной, сальный завод»; 12 мая 1890 г. канцелярия московского генерал-губернатора переслала прошение с четырьмя планами в канцелярию обер-полицмейстера для сбора «надлежащих сведений» и заключения. На отпуске этого распоряжения — единственном документе в данном деле (л. 1) — имеется помета: «Ввиду последовавшего предложения его императорского высочества от 16 мая 1891 г. за № 5882 делопроизводство прекращ(ено)».

¹⁰ Вся Москва на 1899 год. М., 1899. Стб. 1170.

¹¹ Справочная книга о лицах, получивших на 1892 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. С. 31.

¹² Ф. М. Мусорин (1834 — 8.08.1899) состоял в купечестве с 1868 г., а его отец — с 1834 г. Жил в собственном доме во 2-м участке Пятницкой части (домовладение № 321). Торговал коврами и щетками в Верхних торговых рядах под фирмой «С. и Ф. братья Мусорины» (Там же. С. 32). Его родной брат, Сергей Михайлович Мусорин (1826 — 24.02.1906), сменил брата в должности попечителя Рогожского богаделенного дома (исполнял эту должность с 11 февраля 1888 по 30 января 1891 г.).

¹³ Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 106, 108, 128, 129.

¹⁴ От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества: Каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е. М. Юхименко. М., 2021. С. 264—265, кат. 278.

¹⁵ Там же. С. 267—269, кат. 282.

«Сия Священная Книга Св. Евангелие пожертвована 3 июня 1899 года, въ даръ Старообрядческому Рогожскому Богадѣленному дому Московскимъ Купцомъ Василиемъ Михайловичемъ, собственноручнаго его письма» (л. 2).

Книжным трудом В. М. Михайлова является и дневник его попечительства.¹⁶ Он имеет форму рукописной книги в 4-ю долю листа (20,6 × 17,0 см) в картонном, обтянутом ледерином переплете. Писан на 144 л. авторским полууставным почерком, изредка используется гражданская скоропись. На л. 1 помещена примитивная, работы самого мемуариста, чернильная заставка-рамка. В качестве иллюстрации строительных работ от руки, чернилами и кинovarью, выполнены планы различных сооружений. Рукопись находилась в собрании известного деятеля староверия XX в. М. И. Чуванова, была приобретена им у букинистов в первой половине столетия (судя по характеру пометы о цене на заднем форзаце), в 1980 г. поступила в РГБ.¹⁷ Записки авторского заглавия не имеют; представленное в описи фонда заглавие «Трехлетие попечительства Рогожской старообрядческой общины (1885—1888)», возможно, принадлежит М. И. Чуванову.

В. М. Михайлов записи вел последовательно и планомерно, писал набело (исправлений или зачеркиваний почти не встречается); возможно, переписывал с каких-то рабочих материалов (например, списки участников заседаний), но делал это сразу после событий, на что указывают небольшие различия в почерке и чернилах. Записи автор вел от третьего лица (подобную форму использовал также Е. Е. Егоров в своих дневниковых записях за 1905—1917 гг.), однако принадлежность ему данного текста не вызывает ни малейших сомнений. К примеру, встречаются прямые оговорки: «23-го того же месеца в девять с четвертей часов вечера приходит Иван Иванович Шибайв, объяснил *мне, Василию Михайлову...*» (л. 20); «...кучер просит *В(асилия) М(ихайловича)* к Шибaeву: „Там Ф(едор) М(ихайлович), они ждут Вас“. *Я поехал и думаю:* „Шибaeв служит за интерес, получамши три тысячи рублей...“» (л. 62).

Как и многие купцы-старообрядцы, В. М. Михайлов, видимо, происходил из крестьян, был грамотен по-славянски, но школьного образования не получил, поэтому в его тексте встречаются ошибки, простонародные слова и обороты, некоторые понятия и фамилии явно записаны со слуха. Тем не менее оставленные им записи — яркое свидетельство эпохи и того, что составляет предмет настоящей статьи, — отношения к старообрядчеству в правительственных сферах и чиновничьих кругах. Бесхитростное повествование старообрядца, свикшегося со своим маргинальным положением в обществе, не содержит ни тени осуждения или критики, напротив, полно верноподданнических чувств. Отсутствие литературных приемов и непредвзятость изложения, не позволяющие нам усомниться в объективности, со всей очевидностью обнаруживают самую суть событий и фактов.

Исторический контекст к описанному в дневнике В. М. Михайлова состоял в следующем. 7 июля 1856 г. по высочайшему решению были опечатаны алтари храмов Рогожского кладбища, что лишило старообрядцев-поповцев полноты церковной жизни.¹⁸ Эпоха Великих реформ императора Александра II

¹⁶ Там же. С. 260, кат. 270.

¹⁷ РГБ, ф. 775 (собр. Чуванова), № 243. Далее ссылки на листы этой рукописи приводятся в тексте после цитаты.

¹⁸ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 60—76

отразилась на старообрядчестве весьма незначительно: единственным законом в этой области стали «Правила о метрической записи браков, рождений и смерти раскольников» 19 апреля 1874 г., впервые признававшие законными браки между старообрядцами. Закон 3 мая 1883 г. «даровал» старообрядцам лишь самые очевидные права, в частности, получать паспорта для отлучек, производить торговлю и промыслы, занимать некоторые общественные должности; в духовной сфере были сняты только самые вопиющие ограничения, вроде запрета на ремонт молитвенных зданий. Старообрядцам дозволялось «творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужение по их обрядам, как в частных домах, так равно в особо предназначенных для сего зданиях, с тем лишь неперемennым условием, чтобы при этом не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка», т. е. понятие «оказательства раскола» подспудно присутствовало. Обнадеженные этим положением закона рогожские старообрядцы полагали, что теперь алтари Рогожских храмов будут распечатаны и возобновится полноценное богослужение. Старообрядцам дозволили принести присягу новому императору перед своим духовенством, для чего 15 мая 1883 г., в день коронавания императора Александра III, в Покровском храме был поставлен переносной алтарь. После присяги в отсутствие распоряжений властей временный алтарь не разобрали, литургия стала совершаться сначала только по праздникам, а затем повседневно.¹⁹

При таком положении церковных дел В. М. Михайлов и Ф. М. Мусорин заступили в попечительскую должность, которая делала их главными официальными лицами рогожского общества при всех контактах с властями.

30 августа 1885 г. Рогожское кладбище посетил автор очерка «На Рогожском кладбище», опубликованного в том же году в журнале «Братское слово»²⁰ (выходил под редакцией профессора Московской духовной академии Н. И. Субботина; вероятнее всего, он же и является автором данного очерка). Недоброжелатель особое внимание обратил на новые алтари и возмутился тем, что старообрядцам дозволена полная служба, которая должна оскорблять чувства «горячо преданных православию» людей.²¹ Статья содержала и прямое обвинение в адрес властей: «Надобно желать, чтобы так же хорошо все это поняли сами православные, особенно власть имущие: тогда они, если сколько-нибудь дорожат церковью и православием, оставили бы свое благодушие, с каким смотрят на эти, якобы невинные и совсем безвредные для церкви служения раскольнических попов и архиереев...»²² Последствия этого публичного доноса не заставили себя долго ждать. Под 23 ноября 1885 г. В. М. Михайлов записал в дневнике о том, что в десятом часу вечера к нему приехал И. И. Шибаев со словами: «Я сей час от князя Долгорукова, объявил князь, что он получил из Петербурха указ, высочайше утвержденный и которой мне читали: на Рого(ж)ском кладбище во храме разобрать алтари и убрать секретно, не доводя правительство в допущении (так. — Е. Ю.)» (л. 20—20 об.).

¹⁹ Подробнее см.: Там же. С. 83—86.

²⁰ [Субботин Н. И.] На Рогожском кладбище // Братское слово. 1885. Кн. 2, № 15. С. 224—238.

²¹ Там же. С. 224—225, 227, 229, 230.

²² Там же. С. 230.

Утром 24 ноября в доме В. М. Михайлова, т. е. в Таганке, на Большой Алексеевской улице, собрались выборные для обсуждения вопроса, «разобрать ли алтари и убрать ли или допустить правительству». Решили разобрать и убрать самим, доложить об этом московскому генерал-губернатору В. А. Долгорукову и обер-полицеймейстеру А. А. Козлову, а также «написать на бумаге просьбу». Попечителей просили съездить на Рогожское кладбище: «при вас бы разобрать алтари и убрать», что и было исполнено в тот же день (л. 21 об.—22).

В свой дневник Михайлов скопировал тексты заявления обер-полицеймейстеру о разборе временных алтарей и докладной записки, поданной генерал-губернатору от имени выборных:

«На объявленное нам о состоявшемся в 21-й день ноября Высочайшем повелении о снятии разборчатых алтарей и находящихся в оных престолов в храмах Рого(ж)ского кладбища мы, беспрекословно повинувшись воле нашего Августейшего Монарха, исполнили Высочайшее повеление, разборчатые алтари и оных престолы нами ныне сняты и убраны.

При сем с глубокою душевною скорбию осмеливаемся сказать, что мы с своей стороны не нарушали Высочайше утвержденного закона 3-го мая 1883 г. А по сему, надеясь на милосердие Августейшего Монарха, будем просить даровать нам Высочайше соизволение на восстановление оных» (л. 23 об.—24 об.).

Обратим внимание, какие выдающиеся люди своего времени, крупные предприниматели, меценаты и благотворители подписали это прошение: мануфактур советник Т. С. Морозов, коммерции советник К. Т. Солдатенков, купцы 1-й гильдии И. Н. Демин, Ф. М. и С. М. Мусорины, Т. И. Назаров, П. К. Мельников, Д. О. Милованов, К. И. Рахманов, купцы 2-й гильдии Д. И. Баулин, Г. В. Богомоллов, З. А. Зеленов, Г. И. Клейменов, А. Е. Латрыгин.

26 ноября 1885 г. попечители и некоторые выборные поехали к московскому генерал-губернатору, чтобы подать докладную записку. Примечательные слова, сказанные на этой встрече, записал В. М. Михайлов: «Тимофей Савич Морозов сказал: „Ваше сиятельство, монаршую милость мы не нарушили, (данную) 3-го мая 1883 года“. И речь продолжалась четверть часа. Солдатенков Козма Терентьевич сказал князю: „Ваше сиятельство, мы, христиане, жить не можем без тела и крови Христовой и жить не будем. Это наша пища“, и прочее). Иван Иванович Шibaев и попечители Василий Михайлович Михайлов и Федор Михайлович Мусорин просили князя, чтобы он не оставил своими советами наше старообрядческое общество, приемлющее священство. Князь был тронут и (в)зволнован и сказал: „Это распространил писатель ‘Братского слова’ Суботин, и распространилось далеко. Я вас благодарю за то, что вы скромно, тихо исполнили Высочайшее повеление, и сейчас должен донести доклад государю в Петербург. А в будущий надеюсь просить“» (л. 25 об.—26).

Как показали дальнейшие события, несмотря на то что старообрядцы ежегодно отмечали табельные дни, лично подносили подарки членам императорской фамилии на Пасху и Рождество,²³ решить вопрос с возобновлением

²³ Подробнее см.: Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. С. 86—95.

служения литургии в храмах Рогожского кладбища оказалось практически невозможно. Начались настоящие мытарства.

На собрании 2 ноября 1885 г. Т. С. Морозов предложил послать «двоих или троих съездить (в) С.-Петербург кроме попечителей, чтобы не так гласно по Петербургу, узнать подробно, от кого зависит дело» (л. 27). Поехал один И. И. Шибаев как давний и самый опытный ходатай по рогожским делам в столице. Его «разведка» не внушала больших надежд; в телеграмме в Москву он написал: «Дела незавидны везде, они незавидны и здесь» (л. 30). 23 декабря выборные избрали депутацию из четырех человек (В. М. Михайлов, П. К. Мельников, И. И. Шибаев, Ф. Е. Медведев), чтобы подать прошение государю официальным путем, через управляющего делами Императорской главной квартиры О. Б. Рихтера. В этом прошении старообрядцы сетовали на то, что лишены главного смысла богослужения: «И вот теперь, когда наши алтари „сняты и убраны“, мы, древлеправославные христиане, в твоей же христианской державе лишены первейшей духовной требы христианской — причащения св. тела и св. крови Христовых!» (л. 55 об.—56). И апеллировали к недавно вышедшему закону: «Закон 3 мая 1883 года точен, ясен и не допускает двусмысленных толкований: дозволяя нам исполнение духовных треб, он разрешает нам иметь алтари, без которых самое исполнение этих треб невозможно и немислимо. Повели же, государь, мощным своим словом, чтоб мудрый закон твой, несколько уже лет применявшийся, возимел вновь свою законную силу» (л. 56—56 об.).

К О. Б. Рихтеру старообрядцы попали только с третьего раза, 30 декабря. В. М. Михайлов записал в дневнике: «Он принял просьбу. Депутация просила его: „Ваше высокопревосходительство, покорнейше просим доложить лично просьбу Государю Императору“. Он сказал: „Кто чрез присутствие мне подаст просьбу, она всегда будет доложена мною Государю Императору. Только я вас упреждаю: по прочтении просьбы Государю она пройдет обратно чрез министров“. Депутация просила его высокопревосходительство лично просить Государя „произвести чрез вас следствие в Москву губернатору Долгорукову“. Г-н Рихтер сказал депутации: „Воля Государя Императора“» (л. 32—32 об.).

Поскольку поездка состоялась в последних числах декабря 1885 — первых числах января 1886 г., то к новогодним поздравлениям старообрядцы везде добавляли просьбу о заступничестве. Член Государственного совета, бывший министр внутренних дел (в 1881—1882 гг.) граф Н. П. Игнатьев «принял ласково, говорил с нами довольно много, в заключении сказал: „Старообрядцы — народ русской, коренной, сыны Государю, я уверен“. На его слова депутация просила: „Ваше сиятельство, защитите нас, старообрядцев (...)“. Его сиятельство просил депутацию: „Когда подадите просьбу, зай(ди)те ко мне сказать“» (л. 31 об.—32).

Представились всесильному министру Императорского двора и уделов И. И. Воронцову-Дашкову: «Депутация просила его сиятельство дать слово в защиту нас. На ответ он только сказал тихо: „Хорошо“» (л. 33). Старообрядцев принял младший брат императора Александра III великий князь Владимир Александрович: «К князю депутация входит, князь подходит к нам, мы его проздравляем с праздником и новым годом, Великий Князь Владимир Александрович дает руку депутации: „Благодарю“. Из оной депутации один разъяснил князю, в чем наше прошение. И дает ему прошение и экземпляр

„Новое гонение старообрядцев“,²⁴ просим князя защитить нас. Князь сказал депутации: „Я здесь ни при чем“. Депутация сказала: „Ваше Высочество, слово Ваше дорого“. Князь сказал: „Прощайте“» (л. 33 об.).

Старообрядцы побывали в Ново-Михайловском дворце на Дворцовой набережной, были приглашены даже в кабинет великого князя Михаила Николаевича, председателя Государственного совета, однако аудиенция не состоялась: «Выходит адъютант: „Великий князь принять не может сейчас по случаю парада“. Депутация отправилась к Великому Князю Сергею Александровичу, его не застали: он уехал на парад. Камердинеру оставили прошение и экземпляр» (л. 34). Через П. П. Семенова-Тян-Шаньского, принимавшего активное участие в подготовке крестьянской реформы, сенатора 2-го (крестьянского) департамента Сената (в 1882—1897 гг.), старообрядцы пытались смягчить позицию Святейшего Синода. Им были известны родственные связи знаменитого путешественника и управляющего канцелярией Синода (в 1883—1892 гг.) В. К. Саблера.²⁵ Михайлов записал в дневнике: «Просила депутация переговорить с Саблером и попросить его, чтобы он, Саблер, переговорил с (обер-) прокурором, с его высокопревосходительством Константином Петровичем Победоносцевым. Но Петр Петрович сказал: „Едва ли Саблер может передать об вашем деле, он никакой не имеет силы заговорить с прокурором“. Петр Петрович сказал: „Хорошо, я переговорю все-таки с Саблером, увижу на днях“» (л. 34—34 об.).

Симпатизировавший конституционным идеям граф П. П. Шувалов, флигель-адъютант императора Александра III (в 1882—1889 гг.), принял московских посланцев в кабинете и «разговаривал с депутацией. Депутация просила о защите нас. „Я готов, — граф сказал, — только против графа Толстого²⁶ и Победоносцева идти, все правление в двоих. А вот я буду с Великим Князем на днях на охоте, я с ним переговорю“. Депутация вручила графу прошение и экземпляр» (л. 35—35 об.).

Чиновники пониже рангом смотрели на хлопоты рогожан более пессимистично. Юрист Н. С. Таганцев, член консультации при Министерстве юстиции и член комиссии для составления проекта нового уголовного уложения, хотя давал советы и спрашивал, как подали просьбу, но в заключении сказал: «Я бы вам посоветовал в Москву ехать» (л. 34). «Один из сенатских», не названный по фамилии, также дал совет покинуть столицу, пока не обязали подпиской о невыезде из Петербурга. Собеседник старообрядцев даже намекнул на историческую параллель — высылку из Москвы в другие города попечителей Преображенского кладбища в 1854 г.: «Все может случиться. А достальных из депутации обяжут подпиской и разошлют по разным губерниям: кого в Харьков, кого в Танбов, при таком направлении. А там после подавай куды знаешь» (л. 35).

²⁴ По всей видимости, речь идет о брошюре, составленной И. И. Шибавым; ее обсуждало собрание выборных 2 декабря 1885 г.: «А потом на собрании Шибав прочел проект, от Никона до сего года как разделилась вера» (л. 27).

²⁵ Они были женаты на родных сестрах: В. К. Саблер — на Ольге Андреевне Заблоцкой-Десятовской, П. П. Семенов-Тян-Шаньский, вторым браком, — на Елизавете Андреевне Заблоцкой-Десятовской.

²⁶ Граф Д. А. Толстой, обер-прокурор Синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел и шеф жандармов (1882—1889).

Завершилось это обивание порогов вторичным посещением Н. П. Игнатьева, которому старообрядцы поведали, каким образом было подано прошение, на что граф сказал: «Один исход». «Депутация стала просить князя о защите, — повествовал далее В. М. Михайлов. — Из депутации В. (автор записок. — *Е. Ю.*) сказал: „Ваше сиятельство, мы только и просим молиться Богу с престарелыми старушками и стариками“. Князь сказал: „Я сочувствую русскому коренному народу. Прощ(айте), прощ(айте)“» (л. 35 об.—36).

Примечательно, что члены депутации, стучась во все чиновничьи двери, всё же главное упование возлагали на Бога. Как пишет В. М. Михайлов, «из троих (проживавших в одном гостиничном номере. — *Е. Ю.*) каждую ночь один вставал в 12-ть часов, а другой в два, а третий в четыре, dokonчив, и читали каноны Кресту и Всемилоустивому Спасу» (л. 36 об.—37).

По возвращении в Москву рогожские посланцы прежде всего сделали индивидуальные доклады о результатах поездки К. Т. Солдатенкову и Т. С. Морозову, а затем всем выборным.

На Пасху 1886 г., поздравляя петербургских и московских представителей власти, старообрядцы наверняка заявляли о своей проблеме. Они удостоились даже получасовой беседы с обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым (л. 44 об.). 3 мая на Рогожском побывал граф П. П. Шувалов с супругой; они осмотрели Покровский и Христорожественский храмы,²⁷ богадельни, кладбище: «За все благодарили, но попечители просили о защите, распечатании алтарей в храмах. Они дали слово, что „сил наших хватит, постараемся“» (л. 46).

Старообрядцы приглашались в Кремлевский дворец на торжественный выход императорской четы 13 мая 1886 г., с разрешения властей подносили блюдо с видами рогожских часовен наследнику-цесаревичу 14 мая 1886 г., обеспечивали порядок в составе Святой дружины во время высочайшего визита в Москву, однако это благоволение властей никак не сказывалось на волновавшей рогожан проблеме.

Очевидная невозможность решить дело официальным путем заставила старообрядцев обратиться к услугам посредников. В этой роли выступил некто Василий Петрович Платонов. 10 июня 1886 г. он вернулся из Петербурга и затребовал к себе попечителей. В. М. Михайлов записал в дневнике: «Он сказал: „Дела начались. Задаток сделан чрез баб“. Михайлов сказал: „Почему Рихтера Вы не просите?“ Он сказал: „Рихтер робок, а чрез баб скорее сделается“. Попечитель Михайлов сказал: „Василий Петрович, можно ли надеяться,

²⁷ Из описания В. М. Михайлова видно, что Шуваловы проявляли интерес к староверию и с культурной точки зрения: «Приехал его сиятельство граф Шувалов с графиней, зашли в холодный храм, осматривали печати, спрашивали про иконы, какого письма, каких времен. Очень-очень похвалился храм: „Это чисто собор“» (л. 45 об.). Визит П. П. Шувалова не преминул отметить Н. И. Субботин. Он напомнил читателям «Братского слова» (и не только им) о покровительственном отношении к старообрядцам светлейшего князя Александра Аркадьевича Суворова, внука знаменитого генералиссимуса, и добавил: «Нашелся другой вельможа с громким именем, к которому в каждый приезд его в Москву являются на поклон раскольники и который также, в знак благоволения к ним, посещает их Кладбища, — так именно 5-го числа сего Мая (видимо, допущена неточность в указании даты. — *Е. Ю.*), посетил Рогожское, где раскольники устроили ему торжественную встречу и показывали свои часовни с запечатанными алтарями, изливая по сему случаю свои сетования на воздвигнутые на них якобы „новые гонения“» (*Субботин Н. И. Летопись происходящих в расколе событий за 1886 год // Братское слово. 1886. Т. 1. С. 794*).

скажите откровенно. В ноябре будем Богу молиться?»²⁸ — „Я еду в С.-Петербург, на этой неделе по приезду я вам сообщу. Может, будет нужно подать прошение на высочайшее (имя). До свидания, пр(ощайте)“» (л. 53 об.—54).

Слухи о богатстве и набожности московских купцов-старообрядцев имели широкое хождение, поэтому находились и желающие за солидное вознаграждение помочь в деле об алтарях. Такие предложения поступали старообрядцам через отдельных прихожан, знакомых, соседей-дачников (л. 43 об.—44, 57 об.—59, 62 об.—63, 111 об.—112). Один из таких посредников прямо говорил попечителям: «В бытность государя в Москве были высокопоставленные лица, которым нужно было денег, и был разговор, где нужно достать денег взаймы. (Один) из оных лиц говорит: „Вот, господа, дело на Рого(ж)ском кладбище выхлопотать и снять печати с Царских дверей с высочайшего разрешения, они денег дадут“» (л. 58 об.). Таким образом на рогожском горизонте появился «князь Гурко, родственник Победоносцеву» (л. 59 об.). Попечители обратились за советом к К. Т. Солдатенкову: «Он слышал о князе Гурко: „Этот Гурко князь, он женат на Закревской, дочери. Кажется, он человек нехороший, даже хуже еще. С этим человеком и делать, а хороший никогда не делает“» (л. 60 об.). Эти слова свидетельствуют о том, что старообрядцам были не по душе сомнительные хлопоты, но ради насущной духовной потребности им приходилось искать любые пути. К. Т. Солдатенков неодобрительно отзывался о Дмитрие Владимировиче Гурко-Друцком-Соколинском (1832—1906), женитьба которого на дочери графа А. А. Закревского Лидии Арсеньевне в 1859 г. имела скандальный характер (невеста еще не получила развода с первым мужем); после предосудительного поступка дочери А. А. Закревскому пришлось уйти в отставку с поста московского военного генерал-губернатора.

Однако, как следует из дальнейшего изложения В. М. Михайлова, старообрядцам вызвался помочь другой представитель этого русско-литовского княжеского рода — Петр Петрович Друцкой-Соколинский-Ромейко-Гурко (младший) (1829—1897), поручик в отставке, статский советник, предводитель дворянства Духовщинского уезда Смоленской губернии; жена — Мария Степановна, урожд. Молчанова (ум. в 1895). Известно, что он помог московским купцам Хлудовым получить на Смоленщине у Ярцева Перевоза участок земли под строительство бумагопрядильной фабрики (Ярцевская мануфактура). Много сил П. П. Гурко прилагал к экономическому и культурному развитию Духовщинского уезда. Совершенно очевидно, что его деятельность носила региональный характер, хотя связи в столицах он, возможно, имел. Родственные связи с К. П. Победоносцевым были весьма отдаленными.²⁹

Для старообрядцев трудность была еще и в том, что одни посредники (В. П. Платонов) обещали добиться снятия печатей с алтарей, а другие (П. П. Гурко) — разрешения поставить новые временные алтари. Михайлов записал разговор с Платоновым: «„Василий Петрович, князь Гурко

²⁸ Скорее всего, имеется в виду царский день 14 ноября, рождение императрицы Марии Федоровны.

²⁹ Дочь князя Николая Ильича Друцкого-Соколинского, женатого на Анне Михайловне Гурко-Ромейко (по Высочайшему разрешению вся их семья стала писаться Друцкие-Соколинские-Гурко-Ромейко), княжна Ефросинья Николаевна Друцкая-Соколинская-Гурко-Ромейко, вышла замуж за Василия Петровича Энгельгардта. Из рода Энгельгардтов была жена К. П. Победоносцева (с 1866 г.) Екатерина Александровна (1848—1932), дочь помещика Могилевской губернии штабс-ротмистра Александра Андреевича Энгельгардта (1822—1877).

хочет печати просить снять, а Вы хотите поставить алтари“. — „Я увижу, как будут смотреть на это. Если хладнокровно, я тоже могу просить снять печати, но это будет трудней. По-моему, поставить легче. Только прошу меня не обидеть“» (л. 61).

В начале июля 1886 г. попечители, которых общество уполномочило решить вопрос к осени, срочно выехали в Петербург в надежде как-то прояснить обстановку. Их обнадежил П. П. Гурко: «...входим к князю, он просит садиться. Спрашивает нас по имени по отчеству и говорит: „Я, господа, читал вашу бумагу. Я нахожу ваше дело святое. Я надеюсь вам помочь, но только жаль: сейчас ни Победоносцева, ни Толстого нету в С.-Петербурге. Нужно подождать. Мы Победоносцева уговорим чрез баб. Баба будет куковать — укукует. Наверно, он согласится, и надеюсь уговорить его“. — „Нам объяснили в Москве, что не дальше августа месяца с иконостасов наших Рого(ж)сково кладбища печати снимут. Мы, уполномоченные обществом, сказали им, что (если) дальше продлится, то мы должны вторично спросить общество. А нас много обманывают, и не дождемся никакого срока. Просим Ваше сиятельство в августе конч(ить)“» (л. 64—64 об.).

Однако время шло, и хотя старообрядцы старались использовать все возможности, вопрос никак не решался. 2 октября 1886 г. Платонов отказался от посредничества. «Он нам объявил, — записал В. М. Михайлов, — „Вот что, господа. У вас в Петербурге до того запрошено, и поставили против себя Победоносцева. Не то что за 50 т(ысяч), если и 200 т(ысяч), и то нельзя в настоящее время. Я вам советую пообождать в настоящее время годика два, покуда поутихнет. А то есть Субботин и Победоносцев, они говорили: если они подадут прошение еще второе на высочайшее (имя), то мы запечатаем все храмы и богадельни и искореним. Мой совет, господа, вот что. Я с вас денег не взял ничего, еще повторю вам: как можно тише. До того озлобился Победоносцев на вас, даже (с) графом Толстым чрез ваше дело поссорились. Граф настаивал дать свободу, а он не решает“» (л. 68—68 об.).

Князь П. П. Гурко пока не отказывался от дела. По его вызову попечители 2 декабря 1886 г. приехали в Петербург. Обещания были туманными, но требования денег — конкретными. В. М. Михайлов подробно записал эту беседу: «Приезжаем к князю, он нас принял, велел подать чаю. Начали говорить насчет снятия с иконостасов печати на Рого(ж)ском кладбище во храмах. Он говорил, что можно в настоящее время сделать: „Победоносцев прокурор будет скоро доносить государю доклад о своих духовных делах, в это время коснется и прочих раскольников. Вот в это время нужно подготовить два-три человека. А мне есть случай, да и за Победоносцевым моя двоюродная сестра. Да, вот и нужно иметь подарки да и трату, откуда мы ее получим. Да и тут еще немаленькие подарки и трата, тут надо куш хороший, да и кому, надо знать. Первое дело — я свои деньги тратить не буду. Да из чего же мне и тратить, какой интерес? Истрачу я, с кого получу — не знаю. Да еще, может, и откажут. Вам нужно выпросить, нужно повиноваться судьбе. Вот такие с моей стороны условия“. В. М. говорит: „П. П., Вам было раньше известно, что наше общество денег вперед не даст, до тех пор когда печати с коностасов (так! — Е. Ю.) снимут по высочайшему (указу) чрез московского губернатора. Сегодня снимут, а завтра привезем означенную цифру, да так и должно“. Говорили очень много, почти три часа. В заключение спрашиваем: „Сколько нужно

на трату вперед?“ П. П.: „По крайней мере семьдесят пять тысяч, а всего мне стоит расход до трехсот тысяч, да еще мне за труды. Ну, а всего тогда до пяти-сот тысяч“. — „Ну хорошо, если общество наше согласится дать, то нужно вам дать семьдесят пять тысяч вперед?“ — „Ну да. Если дело не состоится, то деньги, которые я истрочу, я выключу, а может, и все. Все-таки я надеюсь. Только лучше до доклада Победоносцева“» (л. 102 об.—103 об.).

Попечители не могли дать положительного ответа, поскольку им требовалось разрешение общества. Однако столь завышенные требования без всяких гарантий успеха вызывали у выборных опасения, и 7 февраля 1887 г. они приняли окончательное решение — отказать от услуг: «Общество сказала: первое, очень много и денег требует, велика цифра, негде и взять, а второе — вперед ничего не давайте и оставить без последствий» (л. 114).

Теперь обеспокоился П. П. Гурко. Уже 12 февраля он приехал в Москву и стал укорять старообрядцев, отвечая на их вопрос, надеется ли он выиграть дело: «Надеюсь прежде на Бога, а потом на своих приближенных. И в каком положении вы меня поставили: я стучал в двери и стену, добивался, просил своих приближенных, которых обеспечил, до 15 тыс. выдал векселей и тратил деньги хоть небольшие, с чем я приеду в С.-Петербург? С пощечиной, да?..» (л. 113—113 об.). После долгих обсуждений рогожские выборные остались при своем прежнем решении и отказались от продолжения дела. Попечители, столько приложившие сил к восстановлению полноты богослужения в рогожских храмах, поневоле были опечалены. В. М. Михайлов записал в дневнике: «Промеж себя говорим: „Каково положение князя Гурко и какое положение попечителей: то сулят топор, а если близко, то и топорщица нету. Как трудно выхлопотать божественную литургию. Может быть, и дьявол действует, может, и Господь за грехи наша, потому любви в обществе нет, а гордости много“» (л. 112—112 об.).

Однако Гурко, видимо, все же не хотел упускать свой случай. 14 июля 1887 г. присланный из столицы мелкий чиновник Антон Осипович Карвовский сообщил попечителям: «Князь подавал 26 марта 1887 г. докладную записку на имя государя. Государь сказал прокурору Победоносцеву: „Я желаю обсудить и привести в исполнение“. По этому поводу князь меня просил узнать от вашего общества: желают, то дайте ответ не далее четырех или пяти дней» (л. 127 об.). В. М. Михайлов сослался на необходимость «посоветоваться с обществом». Поскольку далее эта тема исчезает из дневниковых записей, можно понять, что дело тем и кончилось.

Как известно, алтари рогожских храмов были распечатаны только 16 апреля 1905 г., накануне обнародования императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости».³⁰

Оставленное В. М. Михайловым документальное свидетельство рисует яркую картину неравноправного положения старообрядцев в царствование императора Александра III. Несмотря на неизменную верноподданническую позицию прихожан храмов Рогожского кладбища, разрешение участвовать во многих официальных мероприятиях, сочувственное отношение некоторых представителей высшего чиновничества и заметное положение в обществе отдельных купцов-старообрядцев, вопрос распечатания алтарей на протяже-

³⁰ Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. С. 143—158.

нии десятилетий не находил своего разрешения: полвека с самого акта опечатания и два десятилетия после допущения временных алтарей.

Список литературы

От Аввакума до Агафьи: Наследие старообрядчества: Каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е. М. Юхименко. М.: Славия, 2021. 300 с.

Понырко Н. В. Два «народа» на пути друг к другу // Старообрядчество: История и современность: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 28—30 октября 2008 г.). СПб.: РПК Макс Принт, 2009. С. 21—25.

Понырко Н. В. Литература раннего старообрядчества как историческое свидетельство // БЛДР. СПб.: Наука, 2013. Т. 17: XVII век. С. 5—12.

Рябушинский В. П. Старообрядчество и русское религиозное чувство / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Л. Гринберга и В. В. Нехотина. М.; Иерусалим: Мосты, 1994. 240 с.

Юхименко Е. М. Старообрядческий центр за Рогожской заставою. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 280 с.

References

Iukhimenko E. M. Staroobriadcheskii tsentr za Rogozhskoi zastavoiu. 2 izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe. Moskva: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2012. 280 s.

Ot Avvakuma do Agaf'i: Nasledie staroobriadchestva: Katalog vystavki / Sostavitel' i nauchnyi redaktor E. M. Iukhimenko. Moskva: Slaviia, 2021. 300 s.

Ponyrko N. V. Dva «naroda» na puti drug k drugu // Staroobriadchestvo: Istoriia i sovremenost': Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 28—30 oktiabria 2008 goda). Sankt-Peterburg: RPK Maks Print, 2009. S. 21—25.

Ponyrko N. V. Literatura rannego staroobriadchestva kak istoricheskoe svidetel'stvo // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. Sankt-Peterburg: Nauka, 2013. T. 17: XVII vek. S. 5—12.

Riabushinskii V. P. Staroobriadchestvo i russkoe religioznoe chuvstvo / Sostavlenie, vstupil'naia stat'ia i kommentarii M. L. Grinberga i V. V. Nekhotina. Moskva; Ierusalim: Mosty, 1994. 240 s.